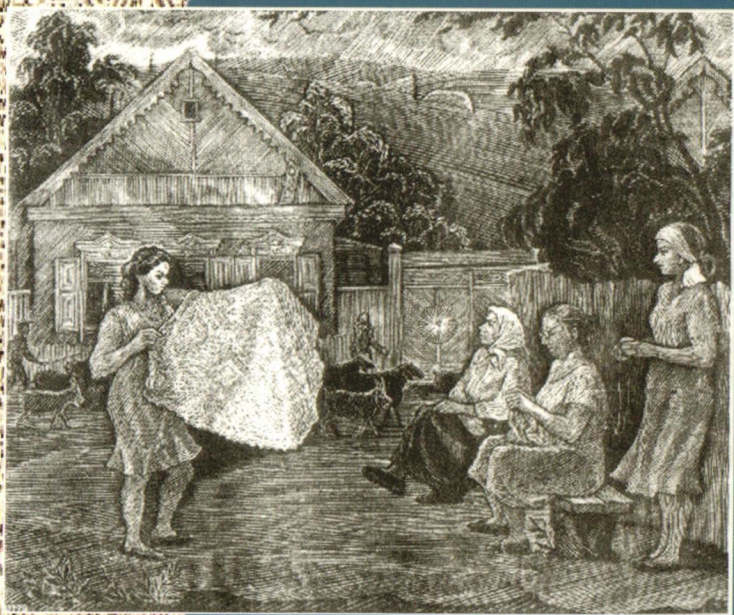

Op84
C18
A-363108

Анатолий
САНЖАРОВСКИЙ

*Оренбургский
платок*

ор 84
с 18

Анатолий САНЖАРОВСКИЙ

ор 84

84(2=411.2)6-5
+ ор 85.12

ОРЕНБУРГСКИЙ ПЛАТОК

ПОВЕСТЬ

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Москва

«Художественная литература»
2012

а-363108

*Виктору АСТАФЬЕВУ
посвящается*

1

Всяк своему нраву работает.

В

1884 году всё наше Жёлтое спалил страшный пожар.

А случилось это в лето. На первое воскресенье после Троицы.

Взрослые подались в лес. Варили кашу, был общий обед. Гуляли.

А детвора, поосталась что в селе, развела под плетнём огонь. И давай себе тоже варить кашу.

А кругом сушь. Ветер. А дома стенка к стенке впри-
тирку, руку не продёрнешь.

Вертается народушко с гулянья с песнями да с венками, с охапками цветов шиповника и берёзовых веточек для украски своих домов — никто своего куреня не найдёт. Всё погорело.

Никогда наше Жёлтое тако не гарывало.

Четырнадцатилетний Фёдор, будущий батёк мой, сладил с тётушкой в Кандуровке плохонькую хатушку. Так, на кулаку стояла.

Начали помочью разбирать на своз.

Только примутся подымать бревно, а у Федюшки штанишки это и бегом вниз. Всё норовят удрать, ровно тебе совсем чужие.

Семи годков Дунюшка, дочка тех, с кем срядились, всё смеялась:

— Эх ты, казара, казара!..*

(Бегала такая казачья дразнилка.)

А тётушка — чутьё у неё кощее! — и плесни:

* К а з а р а — малый тонкоклювый дикий гусь.

— Не смейся, девица красная. Нету отца, нету матери, а ты не смейся. Ещё в жёны этот казара тебя дёрнет!

Девочка фыркнула:

— Фи! Побегу прямушко за таковского...

Так уж судьбе угодно было, Фёдор и Дуняша, как подросли, ломали спину на одних богачей Каргиных.

Фёдор пахал, сеял, убирал хлеб. Убирал и сено.

Дуняша смотрела за скотиной, вязала платки.

Поглянулись молодые друг дружке. Приаукались. Сошлись.

Как-то Дунюшка и говорит:

— Вот где-тоь здесюшки, в Жёлтом, наш куренёк... Продавали сюда. Я ещё потешалась над одним мальцом тогда. А старушка, похоже, из родни кто и посули за него пойти.

— Ё-моё! — в ответ отвечает Фёдор. — Так то, блин горелый, я был! И лёля* моя! Всправде!.. Видишь, вышла ты взамуж в свой же дом. В свой же domeц приехала и жить!

2

Работные дети отцу хлебы.

Судьба родителей повторяется в детях. Я тоже вышла, за кого и думать не думала.

Ой да ну! Это потом...

Нас, детей, росло четырнадцать душ.

Я была восьмая.

Сколько себя помню, всё вяжу. Чать, с пелёнок, можно сказать.

У нас как? Нашлась там у кого девчонишка, ещё глаза не пролупила, а ей уже веретёшку да спицы в руки пихают. Вот тебе игрунюшки на всю жизнь!

Раз спицей наколется, в другой раз поосторожничает.

Никаких тебе магазинных кукол. Никаких тебе медведёв из плюша. Ещё в разор входить.

Проучилась я четыре класса...

А время какое?

* Л ё л я — крёстная мать.

Революция.

Гражданская война.

Сам белый атаман Дутов по нашему проходил про-
улку.

Не с песнями... С боями!

Вскоре от тифа и голода помер отец.

На лепёшках из луговой травы далеко не вытянешь.
Мамушка и отдай дом меня как за полпуда муки!

И пошли мы искать приюта под чужими крышами.

Пережила я...

А училась я хорошо, хоть из сажи и делали чернила,
хоть и писали пером с домашнего гуся, хоть и крутился
на четверых один учебник.

Любила я всякие постановки. Играла в детских спек-
таклях. Потом, как подбóльшела, представляла в «Барыш-
не-крестьянке», в «Бедности не порок».

Ещё ух и любила стихи со сцены!

Читала ладно. От зубов только отлетало.

В третьем уже классе так читала — раз три аршина
материи дали. Голубенькая. А на ней цветочки аленькие.
В виде как малинки.

Скоропаяматчивая, я и досейчас помню тот стишок.
Может, где чего и переверну, слово там какое не туда суну,
так взыск с меня прохладный. Года-то какие сошли! Во-
семьдесят лет не восемьдесят прелых реп. Через плетень
не плеснёшь в ровчик, как помои...

Вижу себя маленькую в зале.

Вижу себя на сцене. И блажно ору:

*Ну, подруженьки, скорей!
Солнце красное взошло.
За работу мы дружнея,
Пока время не ушло.
Помолись, потрудись,
Только знай не ленись.
Без нужды проживёшь
И добра наживёшь.
А чтоб добра себе прибавить,
Надо в жизни работáть,
Не сидеть самой без дела,
Да и дело разуметь.
Что за стыд, как не знать*

Ни кроить, ни стирать.
Я и платье скрою,
Да и рубашку сошью.
У хозяйки всё поспело,
Надо только присмотреть.
Не сидеть самой без дела,
Да и дело разуметь.
Что за стыд, как не знать,
Как обед подавать.
Я и хлеб испеку,
Да и кашу сварю.
У плохой хозяйки дома
Ходят дети босиком.
Ни порядка, ни прибора,
Всё разбросано кругом.
Всюду сор, всякий вздор
Для хозяйки позор.
Этот дом не поймёшь
И концов не сведёшь.
А если любит кто трудиться,
Вольён тот и отдохнуть,
Погулять и порезвиться
Да и в книжку заглянуть.
Что за стыд, как не знать
Ни читать, ни писать.
Я и книжку прочту
Да и счёт поведу.
Станем дружно мы трудиться
И друг другу помогать.
Надо много лет учиться,
Чтобы что-нибудь да знать.
На других я погляжу
Да свой ум приложу.
А чего я не смогу,
То я в книжке найду.
Не страшна работе бедность,
Кто работает, тот сыт.
А кто к труду имеет ревность,
Бог того благословит.
Будем шить, будем мыть,

Будем денежку копить.

И себе я сберегу,

И родным помогу.

Вот за этот стих отгребла я в полном количестве три аршина ситца.

Т о г д а это было сказкино богатство.

А почему это стихотворение я рассказала сейчас? Потому, наверно, что я скоро не стану. Пускай мой стишок останется. Пойдёт к живым. Его ж никто не знает кроме меня...

Ну... Откричала я своё. Клуб зашумел ладошками.

Все в зале всё ахали от восхищённости:

— Оё-ё!.. Видать, эта пройдоха будет!

3

Рукам работа — душе праздник.

В

двадцать седьмом году слепили у нас пухартель «Жёлтинское товарищество».

Все наши сразу и качнись в эту лавочку.

Она снабжала нас пухом, нитками.

А мы знай работай платки.

Девушкам больше всех вываливалось гнуть позвонки. Днём дома, а с вечера до трёх часов ночи, когда начинает уже луниться,* вяжешь на посиделках.

Посиделки — это, думаете, что? Блудилище какое там? Половецкие пляски да скачки в обжимку с пламенными ухажёриками. Не-е-е...

Да вернись я с тех посидёнок без каймы, матуля тут тебе сразу сымет строгий и погорячливый спрос, почему это кайма недовязана. В другой раз и не пустит.

А вязали мы крепко. Точно машины.

Старались к работе.

Хочешь больше иметь — надо больше уметь!

* Л у н и т ь с я — рассветать.

По книжкам, на платок кинь двести пятьдесят семь часов чистого времени. У нас же как неделя, так и платок.

А чтобушки* выбегало подешевле, девчонки всклад собирали на общий керосин. Сидели вместе в одной хатёнке и вязали, вязали, вязали...

Вот у нас слилась своя дружина.

Лиза Андреева, Маруся Ильина, Пашаня Фёдорова, Фёкла Миронова, Луша Радушина, я, Федюня Ульванова, померла, сердешная. Потом вот ещё Наташа Самойлова. Тоже примёрла...

Что его другим жалость подавать?

Тут сама по коленки уже в земле.

Полный ведь год с верхом кисла я у дочки слепая. Натолкалась на операцию. Сделали операцию на правый глаз. А левый с обиды, что ли, забастовал. Ничего не желает видеть! Всего ж двадцать процентов вижу и рука трясётся не знай зачем. Намахивает и намахивает без передыху даже на обед. Ну совсемко полоумная... Сядешь есть, весь стол уработаешь едой. Перед кошкой дажь совестно.

Отгоревала я вся. Отошедший уже человек...

А платки-то всё поманеньку наковыриваю.

Не могу отвязаться от этой сахарной погибели.

Даве вот сильно болела. Упала и расшиблась. Повредила оперированный глаз. Читать книгу не вижу. А и почитай кто, всё равно не слышу.

И слепая, и глухая — весь и заработок всей жизни. Выслужила-то у жизнёнки всего лише две горькие медалюшки.

Прошное не завернёшь, как оглоблю. А что будет, увидим. Слепухе это в большо-ой интерес.

В Жёлтом я одна. Еле хожу. Дети зовут. Но неохота от насиженного гнезда уползать. Хоть и вся такая отжилая.

Померк бел день, и ты на целый уже шажок ближе к краю.

Нет-нет да и словишь себя на том, что дубоватые ржавые пальцы сами развязывают потайной похоронный комок, в бережи перебирают-гладят последнюю одежонку, в чём уходить от живых. Зараньше собрала всё потребное. Не бегать потом дочке-сыну, как падёшь...

* Ч то б у ш к и — чтоб, чтобы.

«Жить — скверная привычка». А не отвыкается...
Потихошеньку отходят наши...
Сиротеем, сиротеем мы...

4

Ешь с голоду, а люби смолоду.

Мила я двадцатую весну.
Это вот сейчас иной раз в зеркало робеешь глянуть. А тогда я была не так чтобушко красавица, но очень симпатичная. Фигурка хорошая. Талия в рюмочку.

Что ни надень — всё моё, всё по мне, всё на мне ладно улыбается. Будто Аннушке и справляли.

Плетья я была первая. Пускай наша разогромная семья не знала полного достатка, одевалась я таки по моде.

Узенькая, длинная тёмная юбка. В неё подзаправлена белая кофта и поверх лаковый ремешок.

Волосы я наверх зачёсывала.

Лилась по мне коса толстая, чать, ниже пояса. Ну прямушко вот так! В косе лента нонь одна, назавтра другая.

Женихи вокруг меня вились, как пчёлы у свежего цветка с мёдом.

Тогда женихи были ой да ну!

Не то что лишнее слово сказать — рта боялись открыть.

Какой я, девка-ураган, на них гипноз имела, досегодняя понять не могу.

Был у меня Лёня.

Высокий такой. С хорошего бугра отовсюдушку видать. Красовистый. Глаза весёлые. И стеснительный-стеснительный.

Он пас стадо. Я звала его «пастух мой овечий».

Бежишь на посиделки, а нарядишься вроде на свадьбу.

Короткая, тоненькая веретёшка уткнулась носом в блюдечко на коленях, вертится без шума. Прядёшь... Что мне прясть? Пряли б волки по закустью да мне б початки знай подноси. Только что-то не несут. Надо самой прясти.

Прядёшь пух, а сама раз по разу зырк, зырк, зырк в шибку.
Не замаячил ли?

Пора бы и придти — ребят всё ни одного.

Грустно так станет да и затянешь.

По части песен, частушек я была оторвибашка. Самолучно всё сочиняла. Большая была песельница.

Голос у меня сильный. С первого класса до замужества пела в церковном хоре на клиросе. Пела и в клубе.

Запечалимся да и заведём всем девишником:

Пряди, пряди, веретёнце,

Пряди, не ленись.

Вейся, вейся, нитка, тоньше,

Тоньше и не рвись.

Чтоб свекровка, злая мать,

Не могла сказать:

«Нитки толсты, нитки плохи,

Не умеешь прясть...»

А ребят всё нет как нет.

С вчора не должны б забыть дорогу.

Может, заблудились?

Ну и блудите!

И давай распекать их в подергушках-повертушках.*
Не надобны нам такие раздушатушки!

Ах, бывало, вокруг милова

Я, как веточка, вилась.

А теперя, как водичка,

От милова отлилась.

За Лизой чудит Федюня:

Через Мишу свет не вижу,

Через Петю хлеб не ем.

Через Васю дорогого

С ума спятила совсем.

* Подергушка, повертушка — частушка.

А Луша:

*Куплю ленту в три аршина,
К балалайке привяжу.
Тебе, милый мой, на память,
А я замуж выхожу.*

А Фёкла:

*Треплет, треплет лихорадка,
Треплет милова мово.
Затрепи его сильнея
За измену за ево.*

А Маруся:

*Ты не стой у ворот,
Не приваливайся.
За тебя я не пойду,
Не наваливайся.*

Не отламывала жали и я своему Лёне.
Как гаркну не на всё ль Жёлтое:

*Невесёлый нынче вечер.
Не пришёл пастух овечий!*

А грешила.

Не было вечера, чтобушки не пришёл.

Задержится, глядишь, со стадом. А пойдя петь про него, а как зачни душа душу звать — вот он уже спешит-идёт, каблучками стёжку жгёт. Вот уже на пороге, заносит скорую весёлую ноженьку через порожек и улыбается, улыбается.

Да не один. С дружками да с гармошкой!

Всвал покидают девчата в угол спицы, клубки, веретёна. Ой, устали! Погляньте, как устали! Ой, отдыхать!

Задуют лампу да и айдатеньки всей брехаловкой в проминку по Жёлтому с песнями под гармошку.

Парубки затягивают первой свою наилюбимую.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66